

Месяц пролетел незаметно. Инцидент с «таинственным исчезновением стекла» в серпентарии, естественно, списали на Гарри, ведь с самого детства вокруг него постоянно происходили странные вещи.

На самом деле, нельзя сказать, что списали. Это действительно был Гарри.

За это супруги Дурсль назначили Гарри самое суровое наказание: на неделю запретили ему есть копченый бекон, лишили права пить газировку, разрешалось есть только фиш-энд-чипс.

Гарри был подавлен, на его лице застыла печаль.

Вообще-то, фиш-энд-чипс не такая уж плохая еда, в первый раз было даже вкусно.

Но...

Как только тетя Петунья ленилась готовить, она подавала это блюдо, и со временем оно переставало казаться вкусным.

Сухая, безвкусная треска, слишком долго пролежавшая в заморозке, в сочетании с сухим картофелем фри – это определенно было блюдо, которое трудно проглотить.

Насколько помнил Гарри, всю ту неделю он чувствовал себя несчастным.

Один из июльских дней. Гарри помогал Петунии убираться.

- Дурсль, вам письмо!

Раздался голос почтальона, а затем послышался щелчок почтового ящика. Письма даже не попали в ящик, а упали на коврик у входной двери.

Вернон лежал на диване и читал газету, когда увидел Дадли, который только что вернулся с утренней пробежки и принял душ.

- Дадли, принеси письма.

- Хорошо, – он подошел к двери и взял письма. Всего их было три.

Одно – открытка от тети Мардж, она уехала путешествовать. Другое – счет, кажется, за электричество. На последнем было написано имя получателя: «Гарри Поттер».

Надпись была сделана изумрудно-зелеными чернилами. Марки не было. На обратной стороне конверта была сургучная печать, геральдический щит с большой буквой «Н», окруженной львом, орлом, барсуком и змеей.

«Чему быть, того не миновать».

Дадли тщательно осмотрел почтовый ящик, убедившись, что для него ничего нет, и почувствовал необъяснимое разочарование.

Он небрежно передал Вернону счет и открытку.

- О боже. Мардж заболела, - сказал Вернон Петунии. - Съела плохие устрицы...

Затем он вскрыл конверт со счетом и с отвращением фыркнул. Никто не любил счета. Вернон посмотрел на последнее письмо в руке Дадли.

- Дадли, это твое письмо? Странная бумага... пергамент? Кто сейчас им пользуется?

- Это Гарри, - Дадли потряс конвертом перед Верноном, показывая имя получателя.

Как только он произнес эти слова, в доме воцарилась тишина, стало слышно, как муха пролетает.

Вернон, Петуния и Гарри одновременно посмотрели на Дадли, а точнее, на письмо в его руке.

«Кто бы мог писать Гарри?»

Этот вопрос озадачил не только чету Дурслей, но и самого Гарри.

«Да, интересно, кто бы мог мне писать?»

Вернон выхватил письмо у Дадли и открыл его одной рукой.

Гарри не возражал, ему просто хотелось узнать, что там написано, поэтому он подошел поближе.

Вернон прочитал первую строчку, и его лицо мгновенно изменилось с красного на синее, быстрее, чем меняются цвета светофора. Через несколько секунд оно стало пепельно-серым, как овсянка.

- Пе... Петунья, это они!

Эти несколько слов он произнес, словно использовал для этого все свои силы.

Гарри не успел ничего разглядеть, как письмо оказалось в руках Петунии. Она тоже прочитала только первую строчку, потом схватилась за лоб, словно вот-вот упадет в обморок, затем схватилась за горло, подавилась и чуть не потеряла сознание.

Теперь Гарри стало еще интереснее, он никогда не видел свою тетю в таком состоянии.

- Тетя Петунья, что там написано?

Гарри с любопытством наклонился, но Петунья спрятала письмо.

- Это не для детских ушей.

Дадли слышал, как мама пытается взять себя в руки, чтобы не расплакаться.

- Нам с Верноном нужно поговорить, вы двое идите пока в свою комнату на второй этаж.

- Хорошо, тетя.

Гарри вел себя как пай-мальчик.

- Ди-брат, ты знаешь, что случилось? - как только они вошли в комнату, с любопытством спросил Гарри у Дадли.

Возможно, оттого, что он проводил много времени с Дадли, Гарри был гораздо взрослее, чем казалось.

Он знал, что лучше спросить у своего старшего кузена, чем у Петунии и Вернона.

Дадли погладил Гарри по голове и сказал тоном, каким обычно прощаются:

- Гарри, возможно, мы с тобой не сможем учиться в одной средней школе.

- Почему?! - воскликнул Гарри, повысив голос на несколько тонов, а затем понял, в чем дело, и поспешно спросил: - Это из-за того письма?

- Вернон... - услышал Дадли дрожащий голос матери из-за двери. - Что нам делать? Вернон? Может, ответить им? Сказать, что мы не хотим... С таким трудом вырастили его как собственного ребенка...

- Петунья, я никому не позволю его забрать. Разве мы не поклялись, когда взяли его к себе, что порвем со всем этим раз и навсегда?!

-...

Дадли услышал всхлипы Петунии и гневный рев Вернона.

Он давно знал, что этот день настанет, и думал, что родители уже готовы, но не ожидал, что их реакция будет настолько бурной. Из-за одного письма вся семья Дурслей была в полном смятении.

Даже наивный Гарри понимал, что грядут большие перемены и что его жизнь может измениться.

В конце концов Петунья с Верноном сожгли письмо, решив не обращать на него внимания, думая, что так им удастся предотвратить то, что должно было произойти.

Дадли знал, что это только начало.

На следующее утро будильник прозвенел ровно в шесть часов. Утро вечера мудренее. Дадли встал с постели и начал ежедневную зарядку.

Сначала - легкая разминка, чтобы размять тело.

Отжимания на одной руке, гантели, турник - он выполнял упражнение за упражнением.

Когда Дадли заканчивал зарядку, прибыл почтальон.

- Дурсль, вам письмо!

Те же изумрудно-зеленые чернила, снова письмо для Гарри, но на этот раз не одно, а целых три.

Прибежавший Вернон разорвал все три письма на мелкие кусочки прямо на глазах у Гарри.

Гарри оставался бесстрастным, никак не реагируя, ни капли не любопытствуя. Он знал, что это письмо разлучит его с Дадли, а он хотел пойти с Дадли в Смелтингс.

В тот день Вернон заколотил почтовый ящик гвоздями.

На третий день - шесть писем...

На четвертый день - двенадцать писем...

Со следующего дня каждые два дня количество писем удваивалось.

Пока не наступило воскресенье.

- В воскресенье почтальон не работает, и проклятых писем не будет, - радостно сказал Вернон.

Едва он договорил, как что-то с шумом упало в дымоход на кухне и ударило его по затылку. Затем из камина, словно пули, вылетело бесчисленное количество писем и в мгновение ока заполнило всю комнату.

Сегодня письма приносил уже не почтальон, а совы. Во дворе дома Дурслей было полно сов.

Глядя на груды писем, заполнившие всю комнату, Дадли оставался совершенно равнодушным.

«Похоже, мне не суждено попасть в Хогвартс».

По приказу Вернона Дадли начал бросать груды писем в пылающий камин.

Внезапно краем глаза Дадли заметил одно из писем. Сердце его екнуло, и он поспешно попытался вытащить его из камина, но, к сожалению, огонь был слишком сильным, и к тому времени, как Дадли удалось его выхватить, письмо уже наполовину сгорело, особенно левый верхний угол, где было написано имя получателя, - он был совершенно неузнаваем. Приглядевшись, Дадли с трудом разобрал, что имя начинается не с буквы «Г», как у Гарри, а с большой буквы «Д».

«Неужели это мое письмо?!»

<http://tl.rulate.ru/book/113888/4299445>